КІЕВСКІЯ
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

16-го Октября. № 20. 1875 года.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Г. Лѣскову на нѣсколько его словъ, напечатанныхъ въ 15—16 №№ Гражданина сего года, по поводу Записки Высокопреосвященнаго Митрополита Арсенія о духоборческихъ и другихъ сектахъ.

(Окончаніе) [1].

Почтенный критикъ приходитъ въ какой-то напускной ужасъ, встрѣтивъ въ запискѣ высокопреосвященнаго митрополита между мѣрами, предлагаемыми высокопреосвященнымъ противъ сектъ всякаго рода, обратную передачу сектъ и сектантовъ подъ непосредственное завѣдываніе духовнаго начальства и при этомъ высказанное между прочимъ замѣчаніе, что надзоръ духовныхъ несравненно будетъ для нихъ (т. е. сектантовъ) чувствительнѣе полицейскаго. Выписавъ, или лучше сказать вырвавъ изъ разсужденія высокопреосвященнаго, по обычаю своему, нѣсколько отры-

[1]) См. № 19 епарх. вѣд.

вочныхъ выраженій, не дающихъ яснаго представленія о предлагаемой мѣрѣ, критикъ продолжаетъ: «Выписавъ этотъ пунктъ, я чувствую такую нравственную тяжесть, что хотѣлъ бы лучше ничего о немъ не сказать, но долгъ совѣсти и любовь къ вѣрѣ отцовъ моихъ побуждаютъ меня вымолвить, что я страшусь: не заслужатъ ли наши архіереи и священники всеобщее презрѣніе обращаемыхъ, если они станутъ стараться о томъ, чтобы ихъ духовный надзоръ былъ «чувствительнѣе полицейскаго». И дѣйствительно, лучше сдѣлалъ бы г. критикъ, если бы ничего не сказалъ о мѣрѣ предлагаемой высокопреосвященнымъ (противъ сектъ), чѣмъ говорить, не вникнувъ въ дѣло или просто по одному только желанію поглумиться надъ лицомъ, много лѣтъ подвизавшимся въ борьбѣ съ расколомъ и съ тѣми препятствіями, какія встрѣчалъ онъ въ гражданскихъ порядкахъ и чиновникахъ, прямо и косвенно покровительствовавшихъ расколу. Долгъ совѣсти и любовь къ вѣрѣ отцевъ болѣе бы выиграли отъ его молчанія, чѣмъ отъ необдуманнаго разглагольствія. Мы часто слышимъ въ литературѣ и обществѣ порицаніе духовенства, когда оно въ извѣстныхъ случаяхъ обращается къ полицейскому начальству, предавая неблагонадежныхъ лицъ его надзору или прося отъ него понудительныхъ мѣръ. Теперь святитель, подвизающійся въ обращеніи сектантовъ, подвергается порицанію за то, что предлагаетъ устранить (хотя не совершенно) этотъ полицейскій надзоръ, оставивъ сектантовъ подъ наблюденіемъ духовныхъ пастырей и предоставивъ самимъ духовнымъ лицамъ производить дознанія и изслѣдованія по дѣламъ, до сектантовъ касающимся, разумѣется по дѣламъ совращенія въ ересь, для большаго впрочемъ безпристрастія всегда при депутатѣ съ гражданской стороны. Надзоръ духовныхъ,

предполагаемый въ этомъ случаѣ, опредѣляется естественно самымъ положеніемъ духовныхъ лицъ въ средѣ своихъ приходовъ, гдѣ они какъ пастыри лучше и прямѣе, чѣмъ всякая полицейская власть, могутъ видѣть религіозное настроеніе своихъ пасомыхъ и соблазнительныя дѣйствія среди ихъ являющихся расколоучителей. Что же въ этомъ надзорѣ г. критикъ нашелъ такого, что смутило его нравственное чувство и любовь къ вѣрѣ отцевъ его? То, что этотъ надзоръ будетъ *чувствительнѣе полицейскаго?* Онъ будетъ дѣйствительно чувствительнѣе, потому что священникъ въ своемъ приходѣ тотчасъ же, какъ только замѣтитъ въ прихожанахъ склоненіе къ расколу, можетъ явиться съ словомъ предостереженія, обличенія, вразумленія, тотчасъ же можетъ принять мѣры и противъ соблазнителей? Что жъ—это можетъ навлечь всеобщее презрѣніе къ нашимъ архіереямъ и священникамъ? Если бы и такъ, служителю вѣры Христовой страшиться этого не слѣдуетъ. «Хула развратителей, говоритъ высокопреосвященный, есть похвала добродѣтели. Но за то, не имѣя возможности сокрыть своихъ преступныхъ дѣйствій и, быть можетъ, еще преступнѣйшихъ замысловъ отъ бдительнаго надзора, они, т. е. развратители, поспѣшатъ оставить оныя, такъ какъ уже и нынѣ примѣтно начинаютъ оставлять». Но г. критикъ, по своей необъяснимой для насъ манерѣ брать изъ текста записки отрывочно только нѣкоторыя мысли и выраженія для того, чтобы поглумиться надъ составителемъ ея, какъ ему вздумается, опустилъ самое существо предлагаемой высокопреосвященнымъ митрополитомъ мѣры, конечно для того, чтобы закрыть отъ читателя истинный смыслъ записки. Ему только хотѣлось, во что бы то ни стало, выставить предъ читателемъ, что высокопреосвященный владыка домо-

гается того, чтобы духовный надзоръ архіереевъ и священниковъ былъ «чувствительнѣе полицейскаго» разумѣется— въ худомъ смыслѣ этого выраженія. Между тѣмъ, выраженіе это, какъ и смыслъ всей тирады и цѣлой записки должны вызывать въ истинномъ ревнителѣ вѣры отцевъ своихъ не глумленіе, на которое такъ склоненъ почтенный критикъ, а глубокую скорбь о томъ, что у насъ такъ неправильно велось такое важное дѣло, какъ миссіонерское противъ возникающихъ сектъ. Не издѣваться должно надъ мыслями и сужденіями одного изъ самыхъ дѣятельнѣйшхъ борцевъ противъ ересей, а благодарить за его прямое и открытое слово о положеніи религіознаго дѣла въ нашемъ отечествѣ въ его время и прежде. Вотъ какія свѣдѣнія получаемъ мы изъ записки высокопреосвященнаго митрополита. Въ то время, какъ Капустинъ сынъ Побирахина, родоначальника секты молоканской, возвратился изъ Сибири въ Тамбовскую губернію и началъ проповѣдывать ученіе своего отца и умножать молоканское общество новыми членами, священники,—пишетъ высокопреосвященный,—донесли о новомъ пришельцѣ и его сборищахъ своему начальству, а епархіальное начальство сносилось съ гражданскимъ и требовало его удаленія, какъ человѣка вреднаго; но сіе требованіе не было уважено. Капустинъ продолжалъ витійствовать и умножать свое общество новыми членами. Впрочемъ, и духовные въ то же время не дремали и сильно ему противодѣйствовали, однихъ предостерегая отъ его зловреднаго ученія, а другихъ снова обращая къ церкви послѣ ихъ совращенія. Капустину и его сообщникамъ крайне досадно было это вмѣшательство. Что же они сдѣлали для своего облегченія? Они пустили нѣсколько жалобъ на обиды и притѣсненія духовныхъ въ С. Петербургъ, а между высшими

сановниками государства нашлись люди, которые имъ помогли. Слѣдствіемъ сего было то, что въ 1803 году [1]) состоялся Высочайшій указъ, коимъ объявлено было—молоканамъ и духоборцамъ предоставить полную свободу въ отправленіи богослуженія по ихъ обрядамъ безъ публичнаго только оказательства, и не преслѣдовать тѣхъ, которые будутъ совращаться къ нимъ, а духовнымъ воспретить входить въ ихъ домы и даже при случайныхъ встрѣчахъ вступать съ ними въ разговоры о вѣрѣ, въ чемъ духовные и были обязаны подписками; самихъ же молоканъ и духоборцевъ и вообще всѣхъ сектантовъ отдать въ исключительное завѣдываніе гражданскаго начальства подъ надзоръ градскихъ и земскихъ полицій. Указъ сей,—продолжаетъ высокопреосвященный,—составляетъ въ исторіи сектъ эпоху замѣчательную: онъ развязалъ руки сектантамъ, въ томъ числѣ и молокано-духоборцамъ, и открылъ обширное поле для ихъ дѣятельности, а полиціи строго наблюдали не затѣмъ, чтобы со стороны ихъ не было публичнаго оказательства секты, а затѣмъ, чтобы духовные не препятствовали успѣхамъ ихъ». Этотъ законъ дѣйствовалъ во все продолженіе царствованія Императора Александра I. Указами Императора Николая духовенство призвано было къ совокупному съ гражданскимъ начальствомъ дѣйствованію для уврачеванія этой нравственной болѣзни общества, но право завѣдыванія сектантами оставлено было исключительно за гражданскимъ начальствомъ; вслѣдствіе чего гражданское начальство, пользуясь этимъ правомъ, всегда находило возможность парализовать дѣйствія духовенства и прикрывать

[1]) Указъ данъ былъ 21 февраля 1803 г. тамбовскому гражданскому губернатору Палицыну, См. Полн. Собр. Зак. Росс. Импер. № 20622.

виновныхъ въ совращеніи. «Духовные,—пишетъ высокопреосвященный,—при настоящемъ порядкѣ вещей, не имѣютъ никакой возможности ни развѣдать, что за секта появилась въ ихъ приходѣ, какіе ея догматы и какое зло она принесла съ собою, кто ея тайные или явные начальники и распространители, ни даже войти въ домъ сектантовъ безъ позволенія самыхъ сектантовъ, дабы при нечаянномъ приходѣ своемъ не успѣть открыть слѣдовъ совратителей? Если же слѣды сіи какимъ нибудь случайнымъ образомъ и будутъ открыты ими, то сколько потребно хлопотъ, сколько переписки между гражданскимъ и духовнымъ начальствомъ, безполезной, огорчительной, раждающей однѣ только неудовольствія (ибо напоминанія и подтвержденія никому не нравится)! Сколько потребно времени, просьбъ и настояній для того, чтобы поддержать и доказать сіе открытіе, извѣстное впрочемъ цѣлому селу или даже уѣзду, чтобы предотвратить дальнѣйшее распространеніе зла. Но проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ, нерѣдко цѣлые годы, прежде нежели приступлено будетъ къ изслѣдованію сего дѣла, быть можетъ по стеченію другаго рода болѣе важныхъ или по разсужденію слѣдователя менѣе терпящихъ отсрочки дѣлъ, которыми гражданскіе чиновники крайне обременены, или по крайней мѣрѣ пока достигнетъ оно своего окончательнаго рѣшенія; а между тѣмъ совратители дѣйствуютъ, совращаемые умножаются, посѣянное зло спѣшно растетъ и, не помѣщаясь въ кругу одного семейства или даже селенія, быстро переходитъ въ другія, такъ что рѣшеніе комитета министровъ нерѣдко находитъ на мѣстѣ вмѣсто одного совратителя и совращеннаго цѣлыя общества совращенныхъ и новыхъ совратителей», и т. д. (стр. 158—160). Въ виду такого положенія, высокопреосвященный и предлагаетъ мѣру,

противъ которой вопіетъ г. критикъ. Мы передадимъ слова высокопреосвященнаго безъ всякаго опущенія и измѣненія; пусть читатель судитъ, есть ли въ этой мѣрѣ что либо такое, что можетъ возмутить совѣсть истиннаго ревнителя вѣры отцевъ своихъ и возбуждать всеобщее презрѣніе къ архіереямъ и священникамъ. «Обратная передача сектъ и сектантовъ, какъ обыкновенно являющихся въ свѣтъ не иначе, какъ въ формѣ религіозной, подъ непосредственное завѣдываніе духовнаго начальства, такъ чтобы какъ наблюденія за ними, такъ и дознанія и изслѣдованія по дѣламъ, до нихъ касающимся, производимы были лицами духовными, для большаго впрочемъ безпристрастія всегда при депутатѣ съ гражданской стороны, потомъ передавались бы на дальнѣйшее разсмотрѣніе въ подлежащія присутственныя мѣста, наконецъ окончательно обсуживались бы и рѣшались бы мѣстнымъ комитетомъ, составленнымъ изъ такихъ лицъ, какимъ правительство признаетъ возможнымъ сдѣлать довѣріе. Въ комитетъ же г.г. министровъ входили бы только тогда, когда откроется или недоумѣніе въ приложеніи закона къ извѣстному случаю или совершенный недостатокъ закона на извѣстный случай. Выгоды отъ допущенія такой мѣры неизчислимы, а главная между ними та, что духовное и гражданское начальства перестанутъ быть въ той несчастной противоположности другъ къ другу, въ какой онѣ теперь находятся по дѣлу о сектантахъ, а послѣднее не вправѣ уже будетъ неизбѣжныя во всякомъ случаѣ дѣйствія духовныхъ по отношенію къ сектантамъ, какъ противникамъ и хульникамъ вѣры православной, почитать какъ будто вмѣшательствомъ въ его часть, какъ бы подкопомъ подъ его благосостояніе или критикою на его распоряженія, и, вслѣдствіе такого выгоднаго для общей цѣли взгляда,

не будетъ изыскивать и употреблять въ дѣло всѣ возможные случаи по мщенію, смѣшному и ребяческому въ началѣ, преступному въ продолженіи и слишкомъ вредному въ послѣдствіяхъ. Такою мѣрою весьма много сберегается времени, сокращается переписка, охраняется авторитетъ высшей законодательно-судебной власти и наконецъ упрочивается энергія мѣстнаго начальства. Что же касается до обращенія сектантовъ въ православіе, то отъ одной мысли, что сектанты снова передаются въ вѣдѣніе духовнаго начальства, дѣло сіе быстро подвигается къ своей цѣли. Надзоръ духовныхъ несравненно будетъ для нихъ чувствительнѣй полицейскаго» (стр. 155, 156, 159, 160, 162, 163). Чтожъ тутъ страшнаго видитъ г. критикъ. Онъ, кажется, ревнуетъ о томъ, чтобы сектантамъ предоставлена была полная свобода дѣйствій. Предлагая передачу сектантовъ подъ надзоръ духовнаго начальства, высокопреосвященный присовокупляетъ: «само собою разумѣется, что надзоръ духовный не исключаетъ и полицейскаго», имѣя конечно въ виду нарушеніе общаго благочинія и порядка, которое и указомъ 1803 года предусматривалось со стороны сектантовъ. Критикъ замѣчаетъ на это: «кое ли общеніе имъ приличествуетъ»? стало быть, чтоже должно быть, по мнѣнію критика? или, сектанты должны оставаться исключительно подъ назоромъ полицейскимъ, какъ опредѣлено было указомъ 1803 года; или, надъ ними не должно быть никакого надзора, ни духовнаго, ни полицейскаго. Критикъ ничего положительнаго, какъ бы ему хотѣлось, при этомъ не высказываетъ. Подождемъ пока, не скажетъ ли онъ чего либо послѣ на этотъ предметъ.

Слѣдя за мыслями критика, мы чувствуемъ всю трудность вести съ нимъ разсужденіе методическимъ порядкомъ.

Кажется это отъ того, что критикъ поставилъ своею задачею высказать только *нѣсколько словъ* по поводу записки, не входя въ мысль ея и не проникая мыслію свои слова, такою мыслію, въ которой бы ясно видѣлось цѣльное представленіе его о предметѣ, отвѣчающее на всѣ вопросы его касающіеся. Предположивъ только сказать *нѣсколько словъ*, критикъ безщадно, до смѣшнаго школярства, придирается къ словамъ записки, такъ что его не *нѣсколько*, а много словъ представляютъ только забавную игру въ слова. Такъ, напримѣръ: п. 1. Высокопреосвященный митрополитъ говоритъ въ началѣ своей записки, что «тамбовская епархія, подобно другимъ епархіямъ, довольно обильна сектантами, если измѣрять ихъ обиліе не столько числомъ, сколько степенью загрубѣлости и ожесточенія ихъ». Мысль высказанная здѣсь проста и ясна. Критикъ, однакожъ, не упустилъ случая придраться къ выраженію. «Мнѣ кажется, говоритъ онъ, что измѣрять обиліе *не числомъ*, а *степенью* крайне неудобно. Принявъ такой способъ измѣренія, весьма легко придти къ заключеніямъ произвольнымъ и неправильнымъ. Напримѣръ, можно сказать: «Васильковъ отъ Кіева очень далеко, если измѣрять разстояніе не количествомъ верстъ, а степенью запущенности гадкой дороги». На самомъ дѣлѣ между этими городами все-таки будетъ только 38 верстъ, а не болѣе». Это замѣчаніе едва ли что либо даетъ къ объясненію предмета, о которомъ будетъ трактовать г. критикъ. При томъ, мы измѣряемъ разстояніе верстами, а житель востока часами времени. Онъ не скажетъ, что отъ Кіева до Василькова 38 верстъ, а скажетъ, сколько времени надобно употребить, чтобы проѣхать это разстояніе, 5 или 6 часовъ; стало быть, возьметъ въ расчетъ удобства и неудобства ѣзды.—п. III. на стр. 150

сказано: «старообрядцы, вѣдь (въ подлин. не вѣдь, а вездѣ) и всегда сами на себя похожи».—Замѣчаніе глубоко вѣрное»: прибавляетъ критикъ, за Кавказомъ, въ Турціи, въ Австріи они «вездѣ сами на себя похожи» и очень жаль, что этого же нельзя сказать о нашимъ церковныхъ людяхъ, которые очень охотно дѣлаются «на себя не похожи»,—католичатся, нѣмчатся и даже считаютъ иногда безвѣріе признакомъ просвѣщенности». Не понимаемъ, что критикъ хотѣлъ сказать этимъ замѣчаніемъ на слова высокопреосвященнаго митрополита. Хотѣлъ ли онъ похвалить высокопреосвященнаго за его замѣчаніе глубоко—вѣрное, или показать превосходство старообрядцевъ предъ православными? Кажется— послѣднее.—Подобнаго же рода придирка къ словамъ въ п. VI. Критикъ не хочетъ понять, что въ одномъ мѣстѣ говорится о причинѣ появленія и распространенія сектъ вообще, а въ другомъ о причинѣ распространенія молоканской секты въ Тамбовской епархіи, и потому противорѣчія въ словахъ записки о священникахъ нѣтъ.—п. VIII. Предлагаемое высокопреосвящ. митрополитомъ выселеніе сектъ въ одно какое либо мѣсто внутри имперіи, или, если это неудобно, то по крайней мѣрѣ временное, но безъ назначенія срока, удаленіе въ монастырь нѣкоторыхъ главнодѣйствующихъ ерессначальниковъ и расколовожатыхъ вызываютъ со стороны критика пространнѣйшія плачевныя іереміады. Тутъ онъ уже видитъ нѣчто въ родѣ великаго переселенія народовъ подъ конвоемъ,—монастыри обращаются у него въ довѣчныя тюрьмы и, наконецъ, видитъ онъ отъ этого ихъ окончательное паденіе и проч.

Мы не будемъ разсуждать о сообразности или несообразности мѣръ противъ сектъ, предлагаемыхъ въ запискѣ высокопреосвященнаго митрополита; мѣры могутъ быть

различныя, и всякій можетъ предлагать свои по своимъ соображеніямъ. Притомъ,—не во всякое время могутъ быть предлагаемы одни и тѣже мѣры; въ одно время и въ одномъ мѣстѣ пригодны одни, а въ другое время и въ другомъ мѣстѣ пригодны другія. Чтобы намъ съ г. критикомъ правильно судить о мѣрахъ, предлагаемыхъ высокопреосвященнымъ митрополитомъ, надобно перенестись въ то время, когда подвизался противъ сектъ высокопреосв. митрополитъ, и туда, гдѣ было поприще его дѣйствованія. Высокопреосвященный имѣетъ въ виду извѣстное положеніе сектъ и сектантовъ *въ свое время*. Предлагая указываемыя имъ мѣры, онъ исполняетъ архипастырскій долгъ, котораго требовали отъ него и церковь и правительство въ томъ положеніи, въ какомъ онъ находился. И отъ указанныхъ имъ мѣръ не послѣдовало великаго движенія народовъ, хотя многіе сектанты были выселены изъ Тамбовской губерніи въ другія мѣста. Равнымъ образомъ чрезъ удаленіе въ монастырь нѣкоторыхъ главнодѣйствующихъ ересеначальниковъ и расколовожатаевъ монастыри не обратились въ довѣчныя тюрьмы и не нанесенъ имъ послѣдній и рѣшительный ударъ. Они существуютъ доселѣ.

Но чтожъ такое относительно сектъ рекомендуетъ духовенству самъ г. критикъ? Какія мѣры онъ предлагаетъ? Для него вопросъ этотъ давно рѣшенъ; стало быть и ломать головы надъ рѣшеніемъ его нѣтъ надобности. Отвѣтъ на него, по словамъ критика, данъ Спасителемъ. Какой же? Вотъ онъ по его разсужденію (Матѳ. 17, 15—17). «Если согрѣшитъ братъ твой, поди и обличи его, между тобою и имъ однимъ; если послушаетъ тебя, то пріобрѣлъ ты брата своего. Если же не послушаетъ, возми съ собою еще одного или двухъ, дабы устами двухъ или трехъ свидѣтелей

подтвердилось всякое слово. Если же не послушаетъ ихъ, скажи церкви, а если и церковь не послушаетъ, то да будетъ тебѣ, какъ язычникъ и мытарь». Въ этомъ, по мнѣнію г. критика, заключается все, что духовенство можетъ предпринимать въ отношеніи къ сектантамъ. Чтобы смыслъ этихъ словъ былъ ясенъ для всѣхъ, г. критикъ вслѣдъ за ними приводитъ толкованіе ихъ изъ толковаго Евангелія и бесѣдъ Іоанна Златоуста: «не считай болѣе упорнаго своимъ братомъ и прекрати съ нимъ христіански—братское общеніе, чтобы не заразиться его болѣзнію».—Прекрасно. Вотъ все это мы сдѣлали. Привели, наконецъ, грѣшнаго брата и въ церковь или собраніе церковное..... А штундистъ, пожалуй и не пойдетъ; тогда что?... Но предположите, что мы привели его. Такъ какъ онъ не послушался, то отлучили его отъ христіанско-братскаго общенія съ собою. Стало быть, съ нашей стороны все съ нимъ кончено. Онъ пошелъ отъ насъ и распространяетъ между народомъ свое ученіе; толпы народа ему вѣруютъ, идутъ за нимъ и мало по малу отпадаетъ отъ насъ цѣлый приходъ, за нимъ другой, третій и т. д. Что же духовенству—то тутъ дѣлать? Смотрѣть, какъ все это совершается? или зазывать каждаго изъ отпадающихъ въ свое собраніе и повторять тотъ же обрядъ отлученія? Какъ бы при такомъ отношеніи духовенства къ сектантамъ облегчить его служеніе! Да, вы скажете, что духовенство должно оберегать еще не отпадшихъ, блюсти ихъ. Положимъ, это вѣрно. Но соблюдете ли вы свое стадо, когда среди его безпрепятственно, свободно, во всякое время дня и ночи будутъ ходить хищные волки? Едва ли вы не пожелаете, чтобы эти волки были куда нибудь удалены или чтобы положена была какая либо преграда къ вторженію ихъ между овцами. Законъ, поэтому,

правъ, когда за вѣру не преслѣдуетъ, а преслѣдуетъ за совращеніе.

Кажется намъ, вы сами сейчасъ же увидите несостоятельность вашего проэкта. Говорите вы: отпаденія отъ церкви совершаются не въ одномъ низшемъ слоѣ русскаго общества: они также идутъ вверху, какъ и внизу: всѣмъ вѣдомо (кромѣ тѣхъ, которые ничего не хотятъ вѣдать), что въ Петербургѣ, гдѣ ежегодно собираются всѣ наши митрополиты, одновременно съ ними прибываютъ изъ чужихъ краевъ особливые вѣроучители, имущіе образъ благочестія, силы же отвергшіеся, поныряющіе въ домы и плѣняющіе женища, всегда учащіяся и николиже въ разумъ истины пріити могущія (2 Тим. 3, 5—7). Чтоже сдѣлано всѣмъ сонмомъ нашихъ іерарховъ противъ сихъ поныряющихъ въ домы и плѣняющихъ женищъ?—Ни—ч—е—г—о». (стр. 381). А вы бы г. критикъ что сдѣлали противъ этихъ, поныряющихъ въ домы и плѣняющихъ женища? Пошли бы и обличили ихъ, потомъ взяли бы съ собою одного или двухъ свидѣтелей, наконецъ, привели бы въ церковное собраніе, и еще, наконецъ сказали бы: да будетъ тебѣ, какъ язычникъ и мытарь.... Кажется, это только и слѣдуетъ, по вашему, сдѣлать, больше ничего. И вотъ вамъ, тотъ католикъ, тотъ кальвинистъ, тотъ лютеранинъ, тотъ англиканъ, тотъ спиритъ или еще кто,—и ни одинъ изъ нихъ не станетъ слушать вашихъ обличеній, и не пойдетъ въ ваше церковное собраніе.

Прот. *А. Воскресенскій.*

Адресъ С.-Петербургскаго духовенства высокопр. Исидору, митрополиту Новг. и С.-Петербургскому.

«Высокопреосвященнѣйшій владыко!

«Въ лицѣ насъ собралась предстать предъ тобой, милостивѣйшій архипастырь и возлюбленнѣйшій отецъ нашъ, Боговрученная тебѣ твоя петербургская паства, чтобъ сугубо, по всей силѣ своихъ искреннихъ чувствъ къ тебѣ, послѣ молитвы во всѣхъ нашихъ храмахъ, встрѣтить и привѣтствовать твой день,—многознаменательный, достославный день твоей жизни и необычайный и благословенный праздникъ нашей мѣстной церкви. Господь благословилъ тебя завершить въ нынѣшній день полувѣковое, многотрудное, доблестное и плодотворное твое служеніе русской церкви и отечеству. Полвѣка неутомимыхъ трудовъ, полвѣка живыхъ подвиговъ св. вѣры и благочестія, полвѣка истинной любви къ ближнему и молитвы за русскій народъ, полвѣка учительства въ церкви и охраненія евангельскихъ истинъ и апостольскихъ преданій, и вотъ уже 15 лѣтъ предшествія твоего въ сонмѣ нашихъ іерарховъ, стоящихъ на стражѣ правленія русской православной церкви! Въ тебѣ, именитѣйшій и Богохранимый нашъ архипастырь, въ твоей полувѣковой церковно-общественной дѣятельности, всеблагій Господь ниспослалъ благословеніе нашей церкви, а это даетъ намъ право признавать настоящій день торжественнымъ праздникомъ не одной нашей первопрестольной паствы, но и всей россійской церкви, всего православнаго русскаго народа, благодарнаго тебѣ за твои многія молитвы о немъ и охраненіе чистоты его прародительской вѣры. Вотъ причина торжества, источникъ радости!

«Петербургская паства удостоилась нынѣ быть свидѣтельницей того, какъ со всѣхъ концовъ нашего безпредѣльнаго отечества стекаются къ тебѣ радостныя и благожелательныя привѣтствія, выражающія чувства любви и уваженія, и отголоски молитвъ, вызванныхъ ими. Но особенно преисполнена этихъ чувствъ и усердныхъ молитвъ твоя нынѣшняя паства. Пятнадцать лѣтъ духовнаго союза съ нею сроднили ее съ тобой, по преимуществу дали ей отрадное право называть и чтить тебя своимъ отцомъ. Она есть та Божья нива, на которой тобой нынѣ бросаются и возрощаются сѣмена твоей просвѣтительной и многоопытной пастырской дѣятельности. Для блага ея ты отдаешь все, что открыли тебѣ наука и опытъ въ церковномъ управленіи, и что вѣщаетъ тебѣ разумъ, руководимый силою святительской благодати. Паства твоя радуется болѣе всѣхъ, что видитъ нынѣшній день твой. Она хотѣла бы собрать во-едино чувства всѣхъ чтущихъ твое торжество, олицетворить въ себѣ всѣхъ, привѣтствующихъ тебя. И она благодаритъ Подателя всѣхъ благъ и за то, что настоящее торжество исполняется здѣсь, въ первопрестольномъ градѣ. Нашей столицѣ ты принадлежишь по высшему образованію въ здѣшней духовной академіи и по началу твоего служенія при ней на ученомъ поприщѣ.

«Орелъ и Москва, куда назначали тебя для устройства духовно-учебныхъ заведеній, были продолженіемъ твоего почти десятилѣтняго служенія церкви по воспитанію духовно-юношества. Уже въ Москвѣ глубокій и свѣтлый умъ присно-памятнаго, знаменитѣйшаго святѣйшаго святителя московскаго Филарета по достоинству оцѣнилъ твои высокія дарованія; изъ его святительскихъ рукъ на 35-мъ году жизни, ты получилъ пастырскій жезлъ и, подъ его Богомудрымъ

руководствомъ, прошло около трехъ лѣтъ епископскаго твоего служенія. Великій и вдохновенный учитель земли русской воспиталъ въ тебѣ для русской церкви достойнаго ученика и благовѣстника Христова.

«На Западѣ, Востокѣ, Югѣ и Сѣверѣ Россіи, важныя событія въ жизни православной церкви разновременно и въ разныя мѣста вызывали тебя на святительскіе труды, и всюду ты являлся доблестнымъ воиномъ Христовымъ, мощнымъ защитникомъ православія, дѣятельнымъ насадителемъ св. вѣры и благочестія.

«Полоцкъ и Могилевъ были свидѣтелями твоей неутомимой, истинно-пастырской дѣятельности, когда ты, во время возникшаго тогда религіознаго движенія между уніатами, то изучалъ и уяснялъ себѣ прошедшія, печальныя судьбы Западнаго края, то зорко вникалъ въ тогдашній бытъ мѣстнаго духовенства, то защищалъ православіе отъ посягательствъ исконныхъ враговъ его, то возбуждалъ и содѣйствовалъ соединенію съ православною церковью чрезъ унію отторгнутыхъ Римомъ духовныхъ ея чадъ, то, утверждая православіе, возстановлялъ древніе обычаи православной церкви, постоянно являя въ себѣ высокій примѣръ строгоблагочестивой, христіанской жизни. И твоя мудрая кротость, любовь и благоговѣніе убѣждали и побѣждали сердца колебавшихся въ вѣрѣ и разсѣевали навѣянныя имъ сомнѣнія. Спустя много лѣтъ, промыслу благоугодно было нынѣ вновь приблизить тебя къ тому же дѣлу, завершившемуся окончательнымъ возсоединеніемъ уніатовъ съ православною церковью. Ты имѣлъ отрадное утѣшеніе содѣйствовать рѣшенію св. синода о принятіи въ нѣдра православной церкви послѣдней горсти русскихъ уніатовъ, нынѣшнихъ холмскихъ православныхъ. И намъ всецѣло понятны и твоя радость,

и твое любвеобильное гостепріимство, съ какими ты встрѣтилъ и обласкалъ холмскую депутацію, съ какою благосердечною любовію молился о возсоединенныхъ и хиротонисованномъ тобою люблинскомъ пастырѣ, и вручилъ ему жезлъ правленія возсоединенными, въ духѣ православной истины.

«Необходимость устройства во всѣхъ отношеніяхъ, большею частію, покореннаго въ 40—50 годахъ, Закавказскаго Края и распространенія въ немъ свѣта истинной Христовой вѣры потребовала здѣсь твоего присутствія и перенесенія твоей дѣятельности съ сѣверо-запада на юго-восточную окраину государства. Сложныя и высокія задачи долговременнаго, неутомимаго твоего святительскаго служенія въ ней, отеческая заботливость о ввѣренныхъ твоему бдительному надзору словесныхъ паствахъ, ревностные труды по общему управленію церковными дѣлами закавказскихъ епархій и постепенному благоустройству ихъ, пастырская попечительность и ревностное содѣйствіе къ возобновленію древнихъ и устройству новыхъ храмовъ въ мѣстахъ разноплеменнаго и разновѣрнаго населенія, служеніе, всегда сопровождаемое благочестивою и назидательною жизнію, ознаменовались благодатными успѣхами просвѣщенія христіанскою вѣрою многихъ пріобрѣтенныхъ чадъ церкви и положили прочное основаніе развитію православія въ краѣ. Всѣ эти важныя твои заслуги для Закавказья пріобрѣли тебѣ отечественную славу и уваженіе и обратили на себя высокое вниманіе монарховъ.

«Уже въ высшемъ іерархическомъ санѣ митрополита, лично присвоенномъ тебѣ, какъ экзарху Грузіи, ты оставилъ облаговѣствованныя тобою горы Кавказа, чтобъ перенести свою дѣятельность на югъ, на кіевскіе холмы, и ты два года, украшалъ древнѣйшую каѳедру св. Софіи въ Кіевѣ.

«Чрезъ 30 лѣтъ ты снова, по волѣ Божіей, возвращаешься на служеніе въ сѣверную столицу и являешься свѣтильникомъ церкви въ первопрестольномъ градѣ. Тогда зачиналось многознаменательное время въ исторіи нашего отечества—эпоха реформъ, обновляющихъ весь строй русской жизни. Занявъ первенствующее мѣсто въ высшемъ церковномъ управленіи, ты сталъ достойнымъ представителемъ всероссійской православной церкви, твердымъ защитникомъ и лучшимъ истолкователемъ ея правъ, современныхъ потребностей, ожиданій, постояннымъ охранителемъ чести духовенства, и, принимая непосредственное и ближайшее участіе въ ея управленіи, ты несешь великія обязанности въ дѣлѣ цѣлесообразнаго направленія государственныхъ реформъ, клонящихся къ улучшенію разныхъ сторонъ религіозно-нравственной жизни русскаго народа, касающихся и быта духовенства. Предсѣдательствованіе твое въ высочайше утвержденномъ присутствіи по дѣламъ православнаго духовенства, при извѣстной твоей пастырской опытности, свѣтломъ взглядѣ на необходимыя реформы въ клирѣ и добромъ желаніи удовлетворить хорошо извѣстнымъ тебѣ многимъ нуждамъ духовенства—ручается за то, что наше дѣло находится подъ надежнымъ попечительствомъ. Заботясь удовлетворить насущной религіозной потребности русскаго народа, ты неутомимо, съ любовью, велъ дѣло по переводу священныхъ книгъ на русскій языкъ. Въ интересахъ высшаго церковно-помѣстнаго управленія не можетъ не имѣть особеннаго значенія то, что подъ своимъ мудрымъ руководствомъ, нравственною силою примѣра и совѣтомъ, ты воспитываешь, подготовляешь достойныхъ пастырей-іерарховъ и благими наставленіями напутствуешь тѣхъ изъ нихъ, которые получаютъ изъ святительскихъ рукъ твоихъ право править православными паст-

вами. Говорить ли далѣе о томъ, что ты съ честью несешь званіе или председателя, или члена въ многочисленныхъ учрежденіяхъ, ученыхъ и благотворительныхъ обществахъ, комитетахъ? Пришлось бы вести длинную лѣтопись твоихъ разнообразныхъ, многосложныхъ и неутомимыхъ трудовъ, чтобъ вполнѣ изобразить твою разностороннюю и плодоносную дѣятельность на пользу церкви и отечества. Но твоей паствѣ нынѣ принадлежитъ слово радости и благодарности о твоемъ пятнадцатилѣтнемъ управленіи сватопетроградскою епархіею. И да будутъ сыновнія наши чувства глубокой радости и безпредѣльной благодарности, пріятною и достойною жертвой тебѣ въ нынѣшній *день пятидесятилѣтія твоего!*

«Возвратясь къ намъ, ты принесъ намъ заповѣдь любви и милосердія, смиренія и труда, и ежечасно, словомъ и дѣломъ, учишь насъ хранить и соблюдать ее. Возможно ли намъ нынѣ, во всеуслышаніе, не говорить предъ тобой о нашей радости и благодарности, видя, какъ высоко несешь ты знамя правителя Христовой паствы, какъ заботливо трудишься для блага цѣлой епархіи и каждаго изъ насъ въ отдѣльности? Ты всегда желалъ быть для насъ болѣе любящимъ отцомъ, чѣмъ начальникомъ. Мы дивимся, какъ, въ твои преклонныя лѣта, ты неутомимо лично занимаешься всѣми дѣлами, самъ непосредственно во все вникаешь, и никакое дѣло или событіе изъ нашей епархіальной жизни не проходитъ безъ твоего личнаго разсмотрѣнія и мудраго рѣшенія. Да будетъ позволительно нашему смиренію упомянуть о твоихъ, правдолюбивый архипастырь, извѣданныхъ нами безпристрастіи и осторожности при рѣшеніи иногда и самыхъ маловажныхъ дѣлъ: милостивое вниманіе къ заслугамъ каждаго изъ насъ, истинное, проникнутое христіанскою любовью, правосудіе и справедливость всегда сопровождаютъ твои рѣ-

шенія. Твое архипастырское управленіе извѣстно и дорого намъ и по твоей отеческой доступности, по которой ты всегда какъ бы вблизи насъ и среди насъ: каждый изъ насъ всегда можетъ надѣяться получить твой добрый совѣтъ, святительское наставленіе, видѣть твою помощь. Разрѣшенные тобою въ нашей епархіи, впервые въ Россіи благочиннические совѣты, а равно выборы помощниковъ благочинныхъ, открыли намъ способы къ самоуправленію и къ самоулучшенію многихъ сторонъ нашей жизни. Твоей просвѣщенной архипастырской заботливости обязаны своимъ благостояніемъ и благоустройствомъ наши духовно-учебныя заведенія. Любовь твоя къ благолѣпію храмовъ Божіихъ ревностно изыскиваетъ всевозможные способы для ихъ украшенія и для поддержанія въ народѣ благочестиваго усердія къ нимъ. Весьма осязательны послѣдствія твоего кроткаго пастырскаго вліянія и на иновѣрцевъ, не говоря уже объ исповѣдующихъ единовѣріе, которые постоянно приходятъ въ болѣе ясное сознаніе своихъ заблужденій, и болѣе и болѣе приближаются къ истинному православію, благодаря твоему любвеобильному и искреннему воздѣйствію на нихъ. Твое неутомимое усердіе къ Богослуженію и высоко-религіозное благоговѣніе во время общественной молитвы постоянно и наглядно учатъ насъ достойному предстоянію у престола Господня. Какъ пастырь милостивый и благосердный, ты, незамѣтнымъ образомъ, и среди насъ водворяешь любовь и миръ, и съ благоснисхожденіемъ исправляешь наши недостатки. И отрадно видѣть, что доблестныя качества пастыря *православнаго*, ставящія его на высоту его великаго призванія, находятъ въ тебѣ лучшее себѣ выраженіе и примѣненіе къ жизни: любовь и милость у тебя живы и дѣйственны. Проводя свою подвижническую жизнь въ подвигахъ иноческаго благочестія, умѣренности и простоты,

ты избытокъ отъ своихъ средствъ посвящаешь на дѣло благотворительности, на пользу многихъ неимущихъ. Тебѣ, по всякому праву, принадлежитъ достойно носимое тобой званіе главнаго попечителя императорскаго человѣколюбиваго общества. Во имя тѣхъ же правъ тебѣ давно и навсегда присвоено нами имя отца и попечителя нашихъ бѣдныхъ вдовъ и сиротъ. Въ теченіи полустолѣтія, въ разныхъ мѣстахъ, наблюдая и направляя жизнь духовенства, ты давно понялъ его многочисленные нужды и увидѣлъ, что среди него бѣдность и безпомощное сиротство едва ли не сильнѣе даютъ себя чувствовать, чѣмъ во всякой другой средѣ. И съ первыхъ же лѣтъ, по пріѣздѣ въ нашу епархію, попеченіе о бѣдныхъ духовныхъ, призрѣніе вдовъ, воспитаніе и устройство сиротъ, ты поставилъ, между прочимъ, важною задачей своего архипастырскаго служенія. Лѣтъ 14 назадъ, ты задумалъ устроить въ Петербургѣ домъ призрѣнія бѣдныхъ духовнаго званія и основать въ немъ училище для сиротъ. При благословеніи Божіемъ, тобою найдены нужныя средства къ постройкѣ дома, которая произведена была подъ ближайшимъ твоимъ наблюденіемъ; тобой указано обезпеченіе и для дальнѣйшаго существованія этого благотворительнаго учрежденія и училища при немъ. Въ 1869 году, обширный, благоустроенный во всѣхъ отношеніяхъ, «александроневскій домъ призрѣнія бѣдныхъ духовнаго званія» открытъ и навсегда останется незабвеннымъ памятникомъ твоей любви и милосердія къ ближнему: онъ воочію свидѣтельствуетъ, какое великое дѣло благотворительности создалъ ты для нашихъ бѣдныхъ, особенно для круглыхъ малолѣтнихъ сиротъ, которымъ, безъ твоего попеченія, грозили нищета и грубое невѣжество. Въ тебѣ же, сердобольный владыко, наши сироты находятъ заботливаго отца, а въ устроенномъ тобою училищѣ

при домѣ—родной пріютъ и средства къ своему существованію и образованію.

«Съ сыновнею радостью и глубокою признательностью къ тебѣ, воспоминая полувѣковые апостольскіе труды на поприщѣ твоего служенія церкви и отечеству, и съ благоговѣніемъ принося благодареніе Всевышнему Промыслителю, ниспославшему тебѣ благодатныя силы совершить твои святительскіе подвиги, всепочтительнѣйше и усерднѣйше просимъ тебя, милостивѣйшій архипастырь, въ память нынѣшняго достославнаго твоего дня съ отеческою благосклонностью принять и святительски благословить наше единодушное желаніе видимымъ образомъ почтить твой праздникъ. Для посильнаго выраженія нашихъ сыновнихъ, благодарныхъ чувствъ къ тебѣ, благостнѣйшій архипастырь, твоя паства избрала дѣло близкаго твоему сердцу человѣколюбія. Удостой принять, добродѣтельный отецъ, наше приношеніе и нашу просьбу—въ устроенномъ тобою александроневскомъ домѣ призрѣнія бѣдныхъ духовнаго званія учредить на вѣчныя времена восемь стипендій твоего имени. Нѣсколько призрѣнныхъ, во имя твоихъ добрыхъ дѣлъ, немного прибавятъ къ всегдашней памяти о твоемъ милосердіи; но эти «*стипендіи митрополита Исидора*» пусть, хотя отчасти, напоминаютъ изъ рода въ родъ, что мы глубоко цѣнили твои о насъ заботы.

«Тѣ же искреннія наши чувства къ тебѣ внушили намъ сердечное желаніе преподнести тебѣ св. икону Покрова Пресвятыя Богородицы, съ усердною молитвой къ заступницѣ рода христіанскаго, да хранитъ она тебя подъ своимъ божественнымъ покровомъ, да даруетъ тебѣ утѣшеніе видѣть новые, непрерывно возрастающіе, плоды святительскихъ твоихъ трудовъ—видѣть большее и большее распространеніе и

утвержденіе апостольскаго православія въ нашемъ отечествѣ и всюду за предѣлами его. Смиренно уповая на всесильное ходатайство Богоматери, прилежно молимъ Божественнаго Сына ея, Господа, Спасителя нашего и пастыреначальника, да дастъ онъ тебя святѣй своей церкви еще на многіе и многіе годы цѣла, честна, здрава и долгоденствующа, право правяща слово его вѣчной, святой истины».

О сектѣ босоногихъ молельщиковъ (шалопутовъ).

Разсказъ одного о. Благочиннаго Полтавской епархіи.

Случай, о которомъ я буду разсказывать, относится къ 60-мъ годамъ. Въ то время я былъ благочиннымъ въ К—тр—мъ уѣздѣ. Не помню, въ которомъ мѣсяцѣ, помню только, зимою, получилъ я отъ тогдашняго нашего преосвященнаго Александра предложеніе произвесть секретное дознаніе о появившейся въ К—тр—мъ уѣздѣ новой противурелигіозной сектѣ,—и о послѣдующемъ донесть Его Преосвященству съ моимъ мнѣніемъ. При предложеніи было препровождено мнѣ донесеніе о новопоявившейся сектѣ владѣльца деревни Пекельное, г. Бродскаго, бывшему въ то время губернатору. По этому-то донесенію и начато дѣло о секретномъ дознаніи. Не знаю, по какимъ соображеніямъ назначено было секретное дознаніе. Вѣроятно, г. Бродскаго, какъ человѣка свѣтскаго, не считали компетентнымъ судіею въ явленіяхъ жизни религіозной, а потому и донесеніе его требовало первоначальной, осторожной провѣрки,—особенно,

въ виду ежегодныхъ донесеній Его Преосвященству, отъ кого слѣдуетъ, о томъ, что въ ихъ вѣдомствахъ никакихъ суевѣрій, предразсудковъ и противурелигіозныхъ мнѣній не распространяется.. Скажу только, что эти секретныя дознанія самая трудная форма дознанія, особенно въ дѣлахъ такого рода, какое предстояло мнѣ, и рѣдко выдерживаетъ характеръ *секрета*, а всегда болѣе, или менѣе дѣлается гласнымъ.

Въ донесеніи г. губернатору секта не была названа по имени,—названа только противурелигіозною, но указано было мѣсто ея появленія,—именно деревня Пекельное—имѣніе Бродскаго. Этого пока съ меня было и довольно. Съ г. Бродскимъ я дотолѣ не былъ знакомъ. Но, при первомъ прибытіи моемъ къ нему, я нашелъ въ немъ полную готовность сообщить мнѣ свѣдѣнія, какія онъ имѣлъ объ интересующемъ насъ обоихъ явленіи. По словамъ Бродскаго, противурелигіозными вѣрованіями заражены нѣкоторые изъ его крестьянъ, но въ чемъ эти вѣрованія, г. Бродскій опредѣленно не зналъ. Зналъ только, что сектанты имѣютъ свои собранія,—всегда по вечерамъ и до поздней ночи, что въ этихъ собраніяхъ читаютъ будто бы какія-то книги, поютъ какія-то пѣсни. Учителемъ сектантовъ онъ наименовалъ какого-то Малашая. На вопросъ: какъ давно появилась эта секта въ его имѣніи и откуда?—г. Бродскій сообщилъ, что, по его замѣчанію, секта существуетъ въ его имѣніи года съ полтора, что она занесена изъ ближайшаго къ его имѣнію мѣстечка Перещепины, Екатеринославской губерніи, въ которомъ Малашай гораздо прежде началъ пропагандировать и имѣетъ многихъ послѣдователей. Сами сектанты,—нѣсколько мущинъ и женщинъ,—призванные ко мнѣ сельскими властями, упорно молчали о своихъ вѣрованіяхъ. Кромѣ

тѣхъ свѣдѣній, какія сообщалъ мнѣ г. Бродскій, я ничего не могъ отъ нихъ дознать. На мои распросы, увѣщанія, убѣжденія, мущины угрюмо молчали, потупивши взоры въ землю; нѣкоторыя изъ женщинъ выслушивали мои слова со слезами на глазахъ и съ сложенными на груди крестообразно руками. Нельзя было не замѣтить той особенности въ принадлежащихъ къ сектѣ, что каждый изъ нихъ, при входѣ въ комнату, крестился большимъ крестомъ съ особеннымъ размахиваніемъ рукою, что не въ обычаѣ у нашихъ крестьянъ. При дальнѣйшихъ распросахъ я узналъ, что въ Пекельномъ сектантовъ не болѣе 30 душъ обоего пола, что они замѣтно сторонятся не принадлежащихъ къ нимъ, что не принадлежащіе къ ихъ сектѣ смотрятъ на нихъ не дружелюбно, но кто перейдетъ на ихъ сторону, тотъ сплочивается съ ними крѣпко, что Малашай списываетъ и распространяетъ между ними какія то книжицы, особенно «сонъ Пресв. Богородицы». Въ народѣ сектанты извѣстны были подъ названіемъ *босоногихъ* отъ хожденія босыми, какъ лѣтомъ, такъ и зимою, по подражанію своему учителю Малашаю.

Двое сутокъ пробылъ я въ Пекельномъ, и все это время провелъ въ бесѣдѣ съ сектантами, стараясь внушить имъ, что спастись можно только въ общеніи съ церковію, пользуясь св. таинствами, установленными и врученными ей, для нашего освященія, самимъ Іисусомъ Христомъ, и исполняя въ жизни Его св. заповѣди, что всякое отдѣленіе отъ церкви, всякое составленіе, помимо ея, самочинныхъ собраній незаконно и гибельно, что учители, подобные Малашаю, слѣпые вожди слѣпыхъ, что кто хочетъ имѣть учителемъ Малашая, или подобныхъ ему, тотъ, очевидно, не хочетъ имѣть учителемъ самаго Христа и законно постав-

ленныхъ священниковъ. Какъ приняли мои убѣжденія сектанты, судить трудно, такъ какъ они хранили упорное молчаніе и всѣ усилія вызвать ихъ на откровенность оказались напрасными.

Желаніе добыть болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о сектѣ босоногихъ и видѣться, если можно, съ ихъ руководителемъ Малашаемъ, котораго въ Пекельномъ не было, побудило меня побывать въ Перещепинѣ. От. Пап—ко, священникъ одной изъ приходскихъ церквей Перещепинскихъ и мѣстный благочинный, къ которому я обратился за нужными свѣдѣніями, сообщилъ мнѣ, что секта *босоногихъ* въ Ново-Московскомъ уѣзда давнишняя, а въ его приходѣ она существуетъ около четырехъ лѣтъ. Сначала не было обращено на нее должнаго вниманія. «Мы обманулись, сказалъ от. Пап—ко, скрытностію сектантовъ, ихъ видимымъ благоприличіемъ, такъ какъ явно они не отдѣлялись отъ церкви, не пренебрегали ея уставами, а напротивъ казались ревностнѣе другихъ въ исполненіи оныхъ. Неопустительно посѣщали всѣ церковныя службы, являясь въ св. храмъ по первому колоколу. Послѣ полтора-годовой болѣзни, продолжалъ о. П—ко, когда я не могъ заниматься не только дѣлами благочинія, но и прихода, по выздоровленіи, когда имѣлъ возможность присмотрѣться внимательнѣе къ сектантамъ, я увидѣлъ въ нихъ нѣчто иное,—увидѣлъ, что они составляютъ какое-то особенное скопище, тѣсно сплоченное, чуждающееся всѣхъ, кто не единомысленъ съ ними даже въ обыкновенныхъ житейскихъ сношеніяхъ. Такъ, не давно одинъ изъ сектантовъ выдавалъ дочь свою замужъ. На свадьбу были приглашены только одни, принадлежащіе къ сектѣ». На вопросъ мой: какія были принимаемы мѣры для образумленія заблуждающихъ, не извѣстно ли еще чего объ ихъ

вѣрованіяхъ, кто ихъ учители и часто ли бываютъ у нихъ собранія?.. от. Пап—ко отвѣчалъ: «собранія свои, которыя бываютъ по ночамъ, и что на нихъ дѣлается, они скрываютъ, говорятъ, что тамъ поютъ какія-то св. пѣсни; читаютъ какія-то св. книги,—но очевидно, говорятъ не все... Ропотъ народный показываетъ, что тамъ и еще кое-что происходитъ... учителемъ и руководителемъ секты именуютъ какого-то Малашая. Послѣ безуспѣшности моихъ пастырскихъ увѣщаній, я донесъ о сектантахъ волостному правленію и уѣздному исправнику. Малашай и нѣсколько другихъ членовъ секты были арестованы, тѣлесно наказаны по приговору волостнаго схода, а потомъ отправлены въ Новомосковскъ и посажены, говорятъ, въ тюрьму». Очень жаль, сказалъ я отцу Пап—ко, что вы обратились къ подобнымъ мѣрамъ: розга и тюрьма—плохія средства для обузданія ложныхъ вѣрованій. Вы способствовали Малашаю и другимъ украситься вѣнцемъ страдальчества,—ложнаго, но въ глазахъ простаковъ достоуважаемаго».

Изъ Перещепины я выѣхалъ съ тѣми же данными о *сектѣ*, съ какими пріѣхалъ туда. Новаго только то, что я видѣлъ на улицахъ нѣсколько женщинъ, идущихъ босыми, съ башмаками подъ мышкой, которые онѣ надѣвали при встрѣчѣ съ человѣкомъ незнакомымъ, по пройдя нѣсколько шаговъ мимо его, опять сбрасывали, хотя время было зимнее. Это показывало, что здѣсь секта не скрывается.

Въ Пекельномъ мнѣ дѣлать было нечего, а потому я рѣшился проѣхать нѣсколько селеній вверхъ по Орели, чтобы прослѣдить, какъ далеко распространилась секта у насъ—въ Полтавской губерніи. Такъ я проѣхалъ Мажарово (къ приходу котораго принадлежитъ Пекельное), Чернетчину и Бучки. Нигдѣ я не встрѣтилъ никакихъ точныхъ и опре-

дѣленныхъ свѣдѣній о сектѣ. Замѣчательно, что самые приходскіе священники отзывались о ней, какъ о существующей за тридевять земель глупости мужичьей, ни сколько ихъ не интересующей. Мажаровскому причту я сообщилъ о сектѣ болѣе свѣдѣній, нежели онъ имѣлъ; въ Чернетчинѣ меня настоятельно завѣряли, что тамъ сектантовъ нѣтъ и не было, хотя мнѣ плохо вѣрилось; въ Бучкахъ мѣстный священникъ на первые вопросы о сектѣ не зналъ, что отвѣчать; потомъ, какъ-бы припоминая забытое, или нестоющее вниманія, сказалъ, что въ его приходѣ, съ нѣкоторыхъ поръ, у нѣкоторыхъ появилась охота къ вечернимъ собраніямъ, на которыхъ, впрочемъ, какъ говорятъ, ничего худаго не бываетъ,—почитаютъ св. книгъ, попоютъ св. пѣсней и расходятся... Какія именно св. книги читаются, какія пѣсни поются и подъ чьимъ руководствомъ, все сіе совершается,—на эти и подобные вопросы ни чѣмъ инымъ, кромѣ незнанія, священникъ отвѣчать не могъ. Въ народѣ ходили самые смутные и безобразные толки о сектѣ. Дознано было, что секта появилась сначала въ сосѣднемъ съ Бучками хуторѣ, а потомъ и въ самыхъ Бучкахъ; что она, кромѣ Малашая, имѣетъ здѣсь и особаго руководителя. Народъ недобрымъ окомъ смотрѣлъ на сектантовъ, и именно за ихъ отчужденіе отъ прочихъ. «Якъ тильки хто пристане «до приходу Малашаеваго.., такъ хоть бы бувъ тоби са«мый щирый пріятель, або и родычь, станетъ чужимъ тоби «и взглядъ переминить,—такъ и дивится вовкомъ... и хре«стится не по нашему»... говорили мнѣ старики въ сборной избѣ...—Въ разговорѣ съ стариками, продставителями Бучковскаго общества, я старался выяснить имъ: какъ гибельно отдѣленіе отъ церкви православной, которая учреждена на землѣ самимъ Іисусомъ Христомъ... Ученіе христіанское

преподаетъ христіанамъ самъ Христосъ чрезъ законно поставленныхъ благодатію Духа Божія священниковъ... Кто избираетъ своимъ учителемъ Малашая, или иного не законнаго учителя, тотъ не хочетъ слушать Христа... Подумайте, чему могутъ научить такіе учители,—невѣжественные, грубые?.. Разумѣется, не спасительному ученію Христову, а бреднямъ, гибельнымъ для спасенія души...

Далѣе Бучекъ слѣдить распространеніе секты *босоногихъ* я не считалъ нужнымъ, тѣмъ болѣе, что не имѣлъ надежды, при простомъ и притомъ секретномъ дознаніи, при упорномъ запирательствѣ увлеченныхъ, пополнить добытыя мною свѣдѣнія о ней. Одно желаніе осталось не удовлетвореннымъ,—я не успѣлъ видѣться съ учителями секты. Желаніе это исполнилось уже въ К—дѣ. По моей просьбѣ и по обязательному распоряженію бывшаго въ то время К—го исправника, г. Г—ча, Малашай и два его помощника (изъ нихъ одинъ Бучковскій учитель), которыхъ фамилій за давностію времени, не припомню, были препровождены ко мнѣ. Малашай—мужикъ не старый еще, высокаго роста, съ всклокоченною бородою, со сбитыми почти въ войлокъ волосами на головѣ, босой, съ мозолистыми ногами, съ сурово-подозрительнымъ взглядомъ, одѣтый въ длинную старую свиту, съ оборваннымъ по мѣстамъ подоломъ, подпоясанный обрывкомъ веревки; два его спутника высматривали хитрыми простаками, какіе нерѣдко встрѣчаются между нашимъ простонародіемъ, съ мнимо благочестивымъ выраженіемъ на лицахъ. Три дня, по нѣскольку часовъ, провелъ я въ бесѣдѣ съ этими представителями *босоногихъ*,—бесѣдѣ трудной, утомительной, ибо нѣтъ ничего тяжелѣй, какъ бесѣдовать съ людьми, отъ которыхъ не добьешься живаго, сочувственнаго слова, которые, повидимому, на все согла-

шаются, ничего не оспариваютъ, но это согласіе какое-то ледяное,—такъ и слышишь: «говори себѣ, сколько душѣ твоей угодно, а мы думаемъ свое... какъ бы намъ добраться до своихъ притоновъ»... Одно твердили они: развѣ мы худое дѣлаемъ, когда собираемся читать божественныя книги и пѣть божественныя пѣсни?.. А то, что они не имѣютъ права составлять самочинныхъ собраній, самозванно принимать на себя званіе руководителей и учителей... что законное мѣсто для благочестивыхъ собраній, гдѣ читаются св. книги, поются св. пѣсни, есть храмъ Божій, что законные учители и руководители для христіанъ суть законные священники,—все это и подобное, какъ-то, не вмѣщалось въ ихъ узкихъ, или, лучше сказать, отуманенныхъ ложью и предубѣжденіемъ понятіяхъ.

Въ донесеніи епархіальному начальству я писалъ: 1) что секта существуетъ; 2) что она имѣетъ своихъ учителей и свои собранія въ частныхъ домахъ; 3) что будто бы эти собранія устрояются для чтенія св. книгъ и пѣнія св. пѣсней, но что мнѣ не вѣрится, чтобы эти упражненія составляли единственную цѣль собраній; 4) что я прослѣдилъ существованіе секты въ трехъ приходахъ; что 5) болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о сектѣ могутъ быть добыты только строгимъ и внимательнымъ формальнымъ слѣдствіемъ. Какъ болѣе пригодныя и сообразныя съ сущностью дѣла мѣры къ образумленію увлеченныхъ и къ предотвращенію новыхъ совращеній, я, по моимъ убѣжденіямъ считалъ: а) воскресныя бесѣды объ истинахъ вѣры внѣ храма и частныя религіозно-нравственныя собесѣдованія при требоисправленіяхъ; б) посѣщеніе священниками приходскими собраній сектантовъ и внимательное наблюденіе за всѣмъ, что тамъ дѣлается. Эта мѣра, какъ я былъ убѣжденъ, могла бы повести

къ прекращенію собраній. Наконецъ, в) такъ какъ сектанты, по ихъ словамъ, заводили собранія съ цѣлію чтенія св. книгъ и пѣнія св. пѣсней, то я считалъ полезнымъ открыть нарочитыя собранія,—въ домахъ ли священниковъ, или же въ помѣщеніяхъ сельскихъ школъ,—въ праздничные и воскресные дни, послѣ обѣда, въ которыхъ, подъ руководствомъ священниковъ, были бы читаемы св. книги, съ изъясненіемъ, доступнымъ народу, и пѣты нѣкоторыя св. пѣсни. Этою мѣрою былобы отнято у сектантовъ мнимо законное право собирать ихъ самочинныя собранія и удовлетворялась бы охота въ народѣ, если оная дѣйствительно существуетъ, къ чтенію св. книгъ и пѣнію св. пѣсней. Пословица; «клинъ клиномъ выбывай»—въ этомъ дѣлѣ казалась мнѣ вполнѣ приложимою. Отъ пастырскаго благоразумія и ревности приходскихъ священниковъ зависѣло убить въ народѣ обаятельный авторитетъ грубаго и невѣжественнаго Малашая и его пособниковъ и удовлетворить доброму стремленію народа, если оно было, или породить и развить, если его не было.

Что сдѣлано по моему донесенію, не знаю. Думаю, что ничего, или почти ничего. Думаю такъ по многимъ причинамъ, а главное потому, что съ тѣхъ поръ, какъ я производилъ дознаніе, прошло пятнадцать лѣтъ, а секта называвшаяся тогда *босоногими молельщиками,* а нынѣ *шалопутами* (думаю, что это одна и таже секта), существуетъ и спѣется до того, что, какъ пишутъ, если пишутъ правду, и самая энергическая борьба съ нею приходскихъ священниковъ остается безплодною. Но меня удивляетъ то, что при этой энергической борьбѣ съ шалопутствомъ, свѣдѣнія о немъ и въ настоящее время столь же скудны, какъ и тѣ, какіе я собралъ пятнадцать лѣтъ назадъ. Не понятно для меня и то, какое значеніе имѣютъ въ подобныхъ обстоя-

тельствахъ *секретныя* дознанія, если оными только и удовольствоваться, если за ними не будетъ слѣдовать болѣе широкое и обстоятельное раскрытіе дознанныхъ фактовъ формальнымъ слѣдствіемъ!

Дѣло это, въ свое время, до того меня интересовало, что самыя незначительныя обстоятельства, имѣвшія къ нему соприкосновенность, казались мнѣ важными. Года два послѣ того я былъ уже на другомъ приходѣ. Во время совершенія литургіи, въ воскресный, или праздничный день—не помню, замѣтилъ я, что въ храмъ, въ которомъ я священнодѣйствовалъ, вошли нѣсколько человѣкъ съ котомками за плечами. По первому взгляду, особенно по характеричнымъ движеніемъ руки, съ какими они полагали крестное знаменіе, я узналъ въ нихъ старыхъ моихъ знакомцевъ. По окончаніи богослуженія, когда народъ вышелъ изъ храма, пришельцы оставались въ немъ и какъ бы чего-то дожидались. Когда я вышелъ изъ алтаря, они привѣтливо подошли ко мнѣ, поздоровались и приняли отъ меня благословеніе. На вопросъ: куда Богъ несетъ? овѣчали: «въ Кіевъ на богомолье». Все ли вы держитесь прежней глупости?.. отвѣчали: «какая батюшка, глупость?.. читать и пѣть Божественное, развѣ это глупость?..»—Не это я осуждаю, сказалъ я, а самыя ваши собранія самочинныя, на которыя никто не далъ вамъ права, подъ руководствомъ учителей самозванныхъ, простыхъ и невѣжественныхъ, какъ вы сами, по мимо законныхъ учителей—священниковъ, я считаю незаконными... Чему доброму могутъ научить васъ Малашай и его пособники?. Что они знаютъ изъ того, что должно знать истинному христіанину?.. Кто далъ имъ право учить?... Они люди весьма темные, для нихъ самихъ нужны добрые учители... Вы, можетъ быть, не довѣряете мнѣ,—вы идете въ Кіевъ,

посовѣтуйтесь тамъ съ добрыми и опытными монахами св. лавры и священниками другихъ церквей. Они вамъ тоже скажутъ, что я говорю вамъ, по іерейской совѣсти. Не Малашай вашъ учитель, а законный вашъ учитель приходскій священникъ... Исполнили ли мой совѣтъ странники, не знаю... Простившись со мною, они отправились въ путь....

«Что это?.. маска?.. лицемѣріе, притворство?..» невольно спросилъ я самъ себя по уходѣ странниковъ.

(Изъ 11 № *Полтавскихъ е. вѣд.* 1875 г.)

ИЗЪ СОВРЕМЕННОЙ ХРОНИКИ КІЕВА И КІЕВСКОЙ ЕПАРХІИ.

Кіевскіе адресы высокопреосвященному митрополиту Исидору по случаю его юбилея 5 сент. 1875 г.

Отъ высокопреосв. Арсенія, митрополита кіевскаго.

Достигла и до насъ пріятная вѣсть, что Ваше Высокопреосвященство, уступая общему желанію своей паствы, рѣшились наконецъ въ слѣдующемъ сентябрѣ праздновать свое, столь славное и благоплодное на востокѣ и западѣ, на югѣ и сѣверѣ, пятидесятилѣтнее служеніе святой россійской Церкви и Отечеству.

Не имѣя, къ сожалѣнію, возможности самъ лично явиться къ Вамъ, чтобы отъ всей души и сердца привѣтствовать Васъ съ симъ многознаменательнымъ не для Васъ только, но для всей нашей Церкви, днемъ Вашей жизни, покорнѣйше прошу Васъ, Милостивый Архипастырь, по крайней мѣрѣ въ сихъ строкахъ благосклонно выслушать отъ меня

съ Лаврою, Софійскимъ соборомъ и всею кіевскою паствою сердечное поздравленіе и вмѣстѣ искреннее молитвенное благожеланіе, да Жизнодавецъ Господь продолжитъ жизнь Вашу до самыхъ позднихъ лѣтъ, съ сохраненіемъ силъ духа и тѣла въ полной свѣжести, ко благу православной нашей церкви, во главѣ которой вы нынѣ стоите, составляя ея вѣнецъ и украшеніе, и да удостоитъ Васъ и въ будущемъ вѣкѣ сопричастія въ Своей славѣ небесной; въ знаменіе же и залогъ сего благожеланія нашего благоволите принять отъ насъ подносимыя при семъ иконы Божіей Матери, а намъ, яко приснымъ чадамъ своимъ, ниспослать свое пастыреначальническое благословеніе.

Отъ Кіевской духовной академіи.

Кіевская духовная академія съ чувствами высокаго почитанія приноситъ Вашему Высокопреосвященству привѣтствіе съ исполнившимся пятидесятилѣтіемъ служенія Вашего. Воспоминая различныя призванія и многостороннія поприща этаго служенія, а также тѣ знаменательныя въ жизни отечественной Церкви событія, съ которыми пребудетъ неразрывными имя Ваше, академія и въ собственной жизни знаетъ и признательно хранитъ въ памяти дѣла отеческой любви къ ней и попечительности о ней Вашего Высокопреосвященства. Благословляя знаменія руки Божіей, устроявшей и устрояющей чрезъ Ваше служеніе благо святой Церкви, академія возноситъ молитвы къ Божественному Промыслителю, да продлитъ и еще дни и годы служенія Вашего, а съ ними да возращаетъ дѣла и плоды Вашей святительской мудрости и силы духовной для вящшаго преуспѣянія святой Божіей Церкви.

Отъ кіевской духовной семинаріи—телеграмма.

Въ полувѣковомъ служеніи Вашемъ Церкви, Отечеству и духовному просвѣщенію кратковременное высшее руководительство ваше Кіевскою семинаріей ниже въ числѣ лѣтъ исчитается, но и въ ней Вы оставили по себѣ память для возвѣщенія хвалы. Нашъ журналъ, издаваемый при кіевской семинаріи, носитъ имя, данное ему Вами; принося Вашему Высокопреосвященству поздравленіе съ полустолѣтнимъ юбилеемъ Вашимъ, кіевская семинарія молитъ Господа, да дастъ Вамъ по сердцу Вашему и весь совѣтъ Вашъ исполнитъ.

Памятникъ императору Николаю. Въ апрѣлѣ 1869 года *кіевскіе* граждане, движимые чувствоиъ благодарности къ почившему императору Николаю Павловичу, постановили воздвигнуть его величеству памятникъ; но собранная на сей предметъ сумма оказалась недостаточною. Поэтому бывшій городской голова, П. П. Демидовъ князь Санъ-Донато, желая содѣйствовать исполненію принятаго на себя гражданами столь священнаго долга, пожертвовалъ, съ своей стороны, при оставленіи имъ должности 15,000 рублей.

Постройка собора въ Сквирѣ. На постройку каменной соборной церкви въ Сквирѣ исчислено было по технической смѣтѣ 42,995 руб., а самое исполненіе смѣтныхъ работъ было продолжено на четыре года. Къ работамъ приступлено въ 1873 г. и по настоящее время затрачено на работы по собору около 31,000 руб.; по случаю сокращенія церковно-строительныхъ расходовъ на текущій годъ, испрашивавшійся на сей годъ кредитъ не могъ быть назначенъ; а въ будущемъ году испрашивается на продолженіе построекъ 6,458 руб.

Газетныя вѣсти. «Моск. Вѣдомости» сообщаютъ, что съ введеніемъ въ Кіевѣ новыхъ судебныхъ учрежденій предполагается помѣстить ихъ въ домѣ общихъ присутственныхъ мѣстъ и, между прочимъ, вывести съ этою цѣлью изъ дома общихъ присутственныхъ мѣстъ находящееся нынѣ тамъ кіевское управленіе государственныхъ имуществъ.

«Вѣстникъ Желѣзныхъ Дорогъ и Пароходства» сообщаетъ, что въ будущемъ году предполагается произвести *пособіе* изъ суммъ министерства внутреннихъ дѣлъ учрежденной въ Кіевѣ русской публичной библіотекѣ 800 рублей.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ОБЪ ИЗДАНІИ

„АСТРАХАНСКИХЪ ЕПАРХІАЛЬНЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“.

Съ Сентября текущаго года издаются «АСТРАХАНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ» по слѣдующей, утвержденной Святѣйшимъ Синодомъ, программѣ.

А.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

I.

Высшія Правительственныя распоряженія.

1) Высочайшіе манифесты и повелѣнія, грамоты и рескрипты, касающіеся духовенства.

2) Указы и распоряженія Святѣйшаго Синода, относящіеся къ епархіальному и духовно-училищному вѣдомствамъ.

II.

Распоряженія Епархіальнаго и духовно-училищнаго Начальствъ.

1) Указы и распоряженія Епархіальнаго Начальства.

2) Распоряженіе Семинарскаго Правленія, Правленія духовнаго училища и Совѣта женскаго Епархіальнаго училища, подлежащія опубликованію по епархіи.

III.

Разныя извѣстія.

1) О новыхъ духовныхъ учрежденіяхъ въ отечественной Церкви. 2) О назначеніи и увольненіи высшихъ Правительственныхъ лицъ духовнаго вѣдомства. 3) О наградахъ лицамъ, служащимъ по епархіальному и духовно-учебпому вѣдомствамъ Астраханской епархіи и объ изъявленіи благодарности разнымъ лицамъ со стороны мѣстнаго епархіальнаго Начальства, а также семинарскаго и духовно училищнаго Правленій. 4) Объ опредѣленіи и увольненіи должностныхъ лицъ по епархіальному вѣдомству и по духовно-учебнымъ заведеніямъ епархіи. 5) Объ открытіи и состояніи духовно-церковныхъ учрежденій въ епархіи, какъ-то: монастырей, общинъ, школъ и пріютовъ при нихъ, воскресной школы при Семинаріи, школъ при церквахъ приходскихъ, церковно-приходскихъ попечительствъ, церковныхъ библіотекъ и проч. 6) О дѣятельности Астраханскаго Епархіальнаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества и обнародованіе отчетовъ сего комитета. 7) О постановленіяхъ обще-епархіальнаго и окружно-училищнаго съѣздовъ. 8) О дѣятельности мѣстныхъ миссіонеровъ. 9) Извлеченія изъ отчетовъ Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора и епархіальнаго Начальства. 10) Извлеченія изъ отчетовъ по учебно-воспитательной части семинаріи и училищъ епархіи. 11) Извлеченіе изъ отчетовъ мѣстнаго Попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія. 12) Экономическіе училищные отчеты. 13) Разрядные списки учениковъ семинаріи и духовнаго училища, составляемые Правленіями той и другаго послѣ годичныхъ испытаній. 14) О праздныхъ мѣстахъ: а) священно-церковнослужительскихъ, и б) учительскихъ въ Семинаріи, духовныхъ училищахъ и сельскихъ церковно-приходскихъ школахъ.

Б.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

1) Слова, бесѣды и поученія духовныхъ лицъ Астраханской епархіи.

2) Статьи догматическаго, нравственнаго и церковно-историческаго содержанія и по практическому пастырскому руководству.

3) Историко-полемическія статьи и замѣтки по расколу и молоканству.

4) Статьи и замѣтки педагогическія.

5) Историко-статистическія свѣдѣнія объ Астраханской эпархіи вообще и о церквахъ и учрежденіяхъ ея въ частности.

6) Свѣдѣнія и замѣтки: а) о нравственно-религіозномъ бытѣ народномъ,—о мѣстныхъ добрыхъ и благочестивыхъ обычаяхъ и нравахъ, а также о предразсудкахъ, суевѣріяхъ и повѣрьяхъ, съ указаніемъ наилучшихъ практическихъ мѣръ къ искорененію въ народѣ сихъ послѣднихъ, и б) о религіозно-нравственномъ бытѣ инородцевъ Астраханской епархіи.

7) Разныя извѣстія, извлекаемыя изъ періодическихъ изданій какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ: а) о бытѣ и дѣятельности духовенства въ другихъ епархіяхъ, и б) вообще о важнѣйшихъ событіяхъ въ нашей русской церкви и замѣчательнѣйшихъ явленіяхъ въ нашей церковно-религіозной жизни.

8) Некрологи и біографіи пастырей Астраханской епархіи.

9) Объявленія о разныхъ періодическихъ изданіяхъ и книгахъ и о другихъ предметахъ, имѣющихъ интересъ для епархіальнаго духовенства.

Печатать дозволяется 14 Октября 1875 г. Цензоръ Протоіерей М. Богдановъ.
Типографія С. В. Кульженко, Мало-Житомірская ул. домъ № 83.